

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

УДК 340.1

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.4.14>

ЭСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ МОНГОЛИИ

© Юрковский А. В., 2023

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Рассматривается генезис образования и действующего конституционно-правового статуса государственной символики Монголии. Материал выстраивается на основе использования новейшей авторской методики и технологии научного поиска (эстологическое исследование конституционного права Монголии). В научный оборот внедряются эмпирические материалы и аутентичные документы (источники права, акты толкования права, акты реализации и применения права) Монголии. Эстологическому исследованию подвергаются конклюдентные конституционно-правовые нормы, которые, по мнению автора, обладают значительными признаками юридико-лингвистической неопределенности. На основе изучения закономерностей существования интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования в Монголии, синтезируются выводы о значении и содержании государственной символики, ее юридико-технических особенностях. В результате проведенного исследования обнаруживается присутствие феноменологии интересов конституционно-правового регулирования. Подтверждается гипотеза о том, что интересы правового регулирования отличаются от политических интересов субъектов конституционного права.

Ключевые слова: эстология, эстологическое исследование, методология исследования, механизм государственной власти, механизм правового регулирования, политическая система, ценность, интерес, субъект конституционно-правовых отношений, объекты интересов конституционно-правового регулирования, государственная символика, флаг, герб, гимн, Монголия.

ESTOLOGICAL STUDY OF THE STATE SYMBOLS OF MONGOLIA

© Yurkovsky A. V., 2023

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

The genesis of the formation and the current constitutional and legal status of the state symbols of Mongolia is considered. The material is built on the basis of the use of the latest author's methodology and scientific research technology (esthological research of the constitutional law of Mongolia). Empirical materials and authentic documents (sources of law, acts of interpretation of law, acts of implementation and application of law) of Mongolia are introduced into scientific circulation. Conclusive constitutional and legal norms are subject to esthological research, which, according to the author, have significant signs of legal and linguistic uncertainty. Based on the study of the patterns of existence of interests in constitutional law and the interests of constitutional and legal regulation in Mongolia, conclusions are synthesized about the meaning and content of state symbols, its legal and technical features. As a result of the study, the presence of a phenomenology of interests of constitutional and legal regulation is revealed. The hypothesis is confirmed that the interests of legal regulation differ from the political interests of subjects of constitutional law.

Keywords. Estology, esthological research, research methodology, mechanism of state power, mechanism of legal regulation, political system, value, interest, subject of constitutional and legal relations, objects of interest of constitutional and legal regulation, state symbols, flag, coat of arms, anthem, Mongolia.

Введение

Актуальность эстологического направления аксиологических исследований взаимосвязей конституционных ценностей, фиксируемых в конклюдентных нормах, нормах-символах Монголии, не вызывает сомнения. Изучаемые эстологией интересы субъектов в конституционном праве и интересы конституционного права представляют собой разновидности конституционных ценностей и антиценностей, они дихотомичны и противоречивы. Интересы

субъектов в конституционном праве и интересы конституционного права содержатся в государственных символах Монголии, являются частью структурного деления содержания конституционного права, позволяют рассматривать и определять политико-юридические ориентиры субъектов, которые способны укрепляться за счет общеобязательности норм позитивного конституционного права. Государственные символы Монголии оказывают влияние на формирование тенденций развития политической системы

Монголии [15, с. 112–131]. Политико-юридическая реальность, символически отраженная в конклюдентных нормах конституционного права, дает возможность определять конституционно-правовые признаки Монголии для определения ее конфигурации на конституционно-правовой карте современного мира [12].

Государственные символы Монголии также позволяют дополнять признаки и истолковывать принципы функционирования механизмов государственной власти и правового регулирования, аргументировать присутствие объективных эстологических признаков. При проведении эстологического анализа [13, с. 43–51] конклюдентных конституционно-правовых норм о государственной символике Монголии обнаруживается ряд противоречий между принципом равенства, регламентированным в Конституции Монголии, декларированием светского характера государства, являющимся частью идеологии в праве, правовой идеологии, правовой политики и политики права и признаками религиозной идеологии государственной символики Монголии. Симбиоз предложенных противоречий позволяет дополнительно аргументировать гипотезу о том, что признаки позитивного права определяют специфику правового регулирования в целом Монголии [13; 15].

Методология исследования

Эстологическое исследование представляет собой частную научную авторскую методику, которая рассматривается как разновидность аксиологического познавательного инструментария, направленного на изучение субъектов конституционного права, субъектов, участвующих в формировании и функционировании механизма правового регулирования и механизма государственной власти, чьи интересы в процессе политической борьбы легализовались в нормах позитивного конституционного права в виде конклюдентных норм о государственных символах Монголии.

Субъекты и их интересы, легализованные в конституционном праве Монголии, индивидуализируют специфику объективной правовой и управленческой действительности Монголии, определяя ее уникальные очертания и проявления.

Помимо эстологического метода в предлагаемом исследовании использовались такие методологические инструменты, как кибернетические приемы (методы контент-анализа), при помощи которых был обнаружен оригинальный

текст Конституции Монголии (тексты других источников права, актов толкования, реализации и применения права) на одном из официальных сайтов Монголии, и метод юридической компаративистской лингвистики, предназначенный для адекватного перевода текста на русский язык и соотнесения монгольской и российской юридической терминологии и понятийного аппарата.

Основой эмпирического материала служили труды отечественных и иностранных ученых по обозначенной теме исследования в современной юридической, политической и исторической науке, публикации в периодических и специализированных изданиях, материалы научно-практических конференций и семинаров. При проведении исследования производились сбор, оценка, обобщение и анализ информации, опубликованной различными средствами массовой информации, исследовательскими агентствами, специализирующимися на обработке и распространении статистических данных в области генезиса правовой политики Монголии.

В процессе работы применялись и стандартные методы юридических исследований, например методы сравнительного государствоведения, сравнительного правоведения, а также общенаучные методы – научной абстракции, анализа, синтеза, сочетания исторического и логического подходов, теоретического обобщения и прогнозирования, юридического моделирования и др.

Эстологическому исследованию подвергались такие источники права, как Конституция Монголии (Монгол Улсын Ундсэн хууль)¹, Закон Монголии о геодезии и картографии от 31 октября 1997 г. (с последующими изменениями и дополнениями) (Геодези, зураг зүйн тухай Монгол Улсын хууль)², Закон Монголии 1993 г. «Об отношениях между государством и церковью»³.

Материалы исследования

Глава первая Конституции Монголии, имеющая название «Суверенитет монгольского государства», может позиционироваться как совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих основы конституционного строя рассматриваемого государства.

¹ Конституция Монголии 13.01.1992 (Монгол Улсын Ундсэн хууль) 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр. URL: <https://legalinfo.mn/mn>.

² Закон Монголии о геодезии и картографии от 31.10.1997 (с последующими изменениями и дополнениями) (Геодези, зураг зүйн тухай Монгол Улсын хууль). URL: <https://legalinfo.mn/mn>.

³ Об отношениях между государством и церковью : закон Монголии 1993 г. URL: <https://legalinfo.mn/mn>.

В Конституции Монголии содержится особый вид юридических норм, юридическую природу, место в системе конституционных установлений и предназначение которых очень трудно определить. Такими предписаниями являются нормы о государственной символике, зафиксированные в ст. 12 Конституции Монголии, получившие в данной статье обозначение «нормы-символы».

Рассматриваемые правовые конструкции обладают целым рядом общих для любых правовых норм признаков, которые позволяют назвать рассматриваемые факты именно правовыми нормами.

Во-первых, рассматриваемые феномены содержатся в тексте Конституции, основного закона страны, нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой, и являясь частью его формы и содержания.

Во-вторых, рассматриваемый материал обладает необходимыми признаками формальной определенности. Данные нормы имеют как словесную, так и конклюдентную визуализацию (форму выражения) в тексте юридического документа.

В соответствии с Конституцией Монголии любые конституционные предписания имеют общеобязательный характер и подлежат защите с использованием всех доступных государству средств и способов (ст. 10, 11 Конституции Монголии).

Нормы, регламентирующие государственные символы, отличаются по своему предназначению от норм-правил, норм-принципов, норм-дефиниций, норм-целей, норм-задач, норм-программ.

По нашему мнению, предлагаемые нормы имеют несколько предназначений. Количественное выражение предназначений внедрения норм-символов в тексты современных конституций – вопрос научного диалога и плюралистического видения. Для целей настоящего исследования предложим три наиболее значимые функции норм-символов Монголии:

1. Юридическое оформление признаков государственного суверенитета Монголии. Государственный суверенитет Монголии может рассматриваться как конкретно-исторический результат эволюции национальной политической системы, генезис интересов активных участников политических отношений, показатель соотношения сил субъектов, закрепленный в документальной форме, рубеж политического состояния страны.

Нормы-символы Монголии – особая правовая категория, которая особым образом участвует

в регулировании общественных отношений, складывающихся по поводу власти (например, принадлежность, организация, территориальные границы власти); отношений взаимодействия с властью (например, участие граждан в осуществлении власти посредством их политических прав, различные формы контроля народа за властью); отношений, касающихся ограничения власти.

Нормы-символы Монголии направлены на установление принципиальных отправных точек и мировоззренческих постулатов формирования правовой политики государства, которая по своему характеру является стратегической, представляет собой недетализированный план, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели, обоснование выбора перспективных целей развития общества.

Основанные на интересах участников политических отношений, конституционно-правовые нормы-символы Монголии обеспечивают стратегическое управление социальной структурой Монголии, которое опирается на человеческий потенциал как на основу организации. Нормы-символы Монголии ориентируют госаппарат на запросы современной цивилизации и насущные потребности нации.

Нормы-символы Монголии – это средство правового регулирования, которое формируется в целях фиксации интересов предполагаемых субъектов конституционного права либо интересов позитивного конституционного права, необходимых для эффективного регулирования общественных отношений. И то, и другое есть назревшая общественная потребность в упорядочении взаимосвязей и взаимодействий людей, причем определенным образом (модель, логическая структура) и в определенном направлении. Имеется в виду не чье-либо субъективное представление того или иного государственного органа (его должностного лица) либо «высокого начальства», а именно то, что в сознании массы людей сформировалось как нечто необходимое, должное, нужное, актуальное, крайне важное для их дальнейшей жизни.

2. Сакрализация природы публичной власти при помощи метафизических приемов. Государственная символика Монголии может рассматриваться как официально признаваемое культурное наследие. Для монгольской государственной символики свойственно, по нашему мнению, религиозно-мировоззренческое очертание.

Культурное наследие, представленное в форме религиозных и нерелигиозных институтов,

выступает той связующей нитью этноса, нации и государства, благодаря которым строится и функционирует идентичность, лежащая в основе персонификации народа, позволяющая ему осознавать себя субъектом мировой истории. В свою очередь, этнонациональная идентичность, заданная в том числе и представлениями о духовно-религиозном единстве, является базисом государственного строительства и основой государственной политики в сфере национальной безопасности. Поэтому представления об институциональной форме социально-культурного воспроизводства и культурном наследии народа фиксируются в немалой степени в представлениях о религиозной принадлежности личности [7, с. 18–21].

3. Констатация представлений о самоидентификации монгольской нации в Конституции Монголии. Наилучшее представление о самоидентификации монгольской нации можно почерпнуть из еще одной нетипичной разновидности конституционных правовых норм, из преамбулы.

В преамбуле говорится о мотивах национальной самоидентификации, в числе которых обнаруживаются намерения укрепления независимости и суверенитета государства, почитание прав и свобод человека, справедливости и национального единства, преемственности (наследования) традиций национальной государственности, истории и культуры, а также уважение достижений человеческой цивилизации.

Специальной констатирующей дефиниции понятия «светское государство» в Конституции Монголии не обнаружено. Вместе с тем в пользу светского характера монгольского государства говорит целый ряд конституционных установлений. Например, отмечено, что «историческое, культурное, научное и интеллектуальное наследие монгольского народа подлежит государственной охране» (ст. 7 Конституции Монголии).

Статья 9 Конституции Монголии провозглашает, что государство уважает религии, а религии почитают государство. Не допускается, чтобы государственные органы занимались религиозной деятельностью, а религиозные организации осуществляли политическую деятельность.

Согласно п. 1 ст. 12 Конституции Монголии символами независимости и суверенитета Монголии являются государственные герб, штандарт, флаг, печать и гимн, которые выражают исторические традиции, стремления, единство, справедливость и дух народа Монголии.

Государственный герб Монголии (рис. 1) имеет форму круга, в основании которого изображен белый лотос, обрамляемый узором «бесконечного Тumen Nasan (десятитысячелетия)».

Основным цветом фона государственно-государственного герба Монголии является голубой, который символизирует вечное голубое небо и традиционную святость монголов.

В центральной части герба Монголии изображены в сочетании золотой скакун и золотое соембо, выражающие независимость, суверенитет и дух Монголии.

В верхней части герба помещен талисман – чандмани (драгоценный камень, исполняющий желания), символизирующий прошлое, настоящее и будущее. В нижней части герба изображено колесо, увитое шелковым шарфом хадагом, символизирующее непрерывное благосостояние, почтение и уважение. Оно расположено напротив «горных» узоров, олицетворяющих «родную землю» (п. 3 ст. 12 Конституции Монголии).

Содержание символов, которые изображены на государственном гербе Монголии, весьма насыщено и неоднозначно, может рассматриваться как оценочная категория, наполненная содержанием, имеющим признаки нормативности.

Вопрос о количестве и качестве символов, которые изображены на государственном гербе Монголии, может быть самостоятельным предметом исследования. В отечественной компаративистике обнаруживается присутствие диаметрально противоположных точек зрения по данному вопросу. Постараемся предложить собственное, субъективное видение значений предлагаемой символики.

Итак, выбор формы круга для государственного герба применительно к Монголии отнюдь не случаен. Круг – это древнейший символ, известный человечеству.

«Для древних обозримая вселенная виделась, без всяких сомнений, кругообразной – сюда входили не только сами планеты, включая предполагаемый земной диск, окруженный водой, но также их циклические движения и смена времен года. Символические значения и функции при использовании круга для измерения времени (солнечные часы) и пространства (основные астрологические и астрономические исходные точки) составляли неразрывное единство. Небесный символизм и вера в небесную силу лежали в основе первобытных ритуалов и ранней архитектуры по всему миру: круговые танцы и ритуальные хороводы вокруг огня, алтаря или идола, передаваемая по кругу трубка мира – у

индейцев Северной Америки; круглые формы юрт, шатров и самих стойбищ кочевых народов; кружение шаманов; круговая структура мегалитических знаков и сооружений в неолитический период» [11, с. 83].

Круг – это индуистский, буддийский (равнозначно используется в джайанизме и сикхизме) символ, означает колесо сансары.

Сансара, или самсара (более частое употребление в Монголии), – категория, взятая из санскрита, означает круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой.

То, что круг в монгольском гербе имеет именно буддийскую интерпретацию, подтверждает еще один дополнительный знак – белый лотос в основании круга. Лотос – это непосредственный знак Будды и подтверждение признания (и самое главное оправдание субъективных качеств) кармической составляющей любой власти, включая государственную власть.

Наличие золотого скакуна на гербе тоже представляется не случайным.

По нашему мнению, рассматриваемое изображение одновременно имеет четыре смысловых значения, его целесообразно рассматривать как принцип созидания и прогресса (символ динамики), как исторический символ (средство завоеваний), как символ национальной экономики и как мультирелигиозный символ, с которым национальные политические элиты, влияющие на стратегию конституционного строительства и определяющие ее основные направления, вынуждены считаться.

Скакун является историческим символом. С давних времен поэты и музыканты Монголии воспевали в своих произведениях любовь к коню, его верность, грацию, ум, резвость. Представители искусства – художники, скульпторы, ювелиры и другие мастера, изображая коня-любимца, увековечивают не только образ этого чуда природы, но и талант народа, потому что скакун представляет собой результат скотоводческого творчества народа, знаний, терпения и неисчерпаемых созидательных возможностей множества поколений.

Согласно свидетельствам иноземных послов при ханской ставке, основатель Золотой Орды и разоритель русских земель Батый был очень честолюбив. Когда умер его любимый белый арабский скакун, Батый повелел увековечить его в золоте. К слову, этого белого коня, подражая знаменитому деду Чингисхану, Батый возил с собой во все военные походы, но сам на нем не ездил. Считалось, что на красавце-скакуне, так

не похожем на низкорослых монгольских лошадок, несется незримо сам бог войны Сульдэ [5].

Скакун – это символ национальной монгольской экономики. Скотоводство – это основной вид экономической деятельности большинства населения страны, поэтому современная Конституция Монголии данному вопросу уделяет соответствующее внимание. «Скот является национальным богатством и подлежит государственной охране» (п. 5 ст. 5 Конституции Монголии).

Скакун как мультирелигиозный символ имеет отношение сразу к нескольким доминирующим религиозным течениям в современной Монголии.

В буддизме скакун – это образ неразрушимого, скрытая природа вещей. Будда покинул дом на белом коне. Крылатый, или космический, конь Туча является одним из образов Авалоки-тешвары, или Гуань-Иня. В китайском буддизме белый крылатый конь носит на спине Книгу Закона (перевозит священные писания из Индии в Тибет).

Бог войны Сульдэ – это проявление традиционных народных, может быть, шаманистских или присущих религии бон, верований («дух», «жизненная сила»), в мифологии монгольских народов одна из душ человека, с которой связана его жизненная и духовная сила. Сульдэ правителя является духом-хранителем народа; его материальное воплощение – знамя правителя, которое само по себе становится объектом культа, оберегается подданными правителя. Во время войн для поднятия ратного духа армии Сульдэ приносились кровавые, иногда человеческие жертвы. Особо почитались Сульдэ на знаменах Чингисхана (хара сульдэ и цаган сульдэ – черное и белое знамена) и некоторых других ханов. Персонаж шаманского пантеона монголов Сульдэ – тенгри, покровитель людей, по-видимому, связан генетически с Сульдэ Чингисхана [2].

Монгольский скакун, по нашему мнению, может рассматриваться как факт влияния ислама на самоидентификацию монгольской нации. Пожалуй, ни в одной религии мира не уделяется такого внимания лошадям, как в исламе. Причем этим животным находится место как в Коране (Божественное откровение пророку Мухаммеду), так и в многочисленных хадисах (житиях) самого пророка, составленных различными авторами. Любой правоверный мусульманин, хорошо знакомый с литературными первоисточниками своей религии, имеет полное

представление о лошади от момента создания ее Всевышним и вплоть до отношения к ней в повседневной жизни. Относительно предназначения лошади в жизни человека в Коране есть прямое указание: «Аллах сотворил вам коней, мулов и ослов, чтобы вы ездили на них и чтобы они были для вас украшением, которое радует вас» (Коран, 16:8). Примечательно, что коням, наряду с их ближайшими родственниками ослами и их помесями мулами, отводится не только незавидная роль транспортного средства, но и почетная возможность стать украшением для своего хозяина [4].

В период завоеваний монголы подверглись влиянию тюркской и исламской культуры, что не могло не повлиять на самоидентификацию нации. Крупнейший монголист, советский ученый, академик В. Я. Владимирцев подчеркивает, что ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись отуречению, вообще растворились в окружающей этнографической среде более или менее им близкой [цит. по: 12].

По окончании нашествия мы наблюдаем смену мест обитания у многих племен, а также появление новых монгольских улусов. Но имела место серьезная проблема – противостояние оседлых тюрков-мусульман Трансоксании и Кашгара с Чингизидами и их кочевниками, опиравшимися на тюрков-буддистов, христиан и шаманистов Семиречья и Уйгурии (Ughuristan). То есть это было противостояние оседлых мусульман (как тюрков, так и нетюрков) и буддийской и шаманской тюрко-монгольской кочевой традиции [16].

Символ соембо, расположенный как на гербе, так и на государственном флаге, с давних пор считается монголами национальной эмблемой свободы и независимости. Каждый элемент знака, кроме своего буддийского толкования, имеет более древнее значение. Элементы соембо в данном случае имеют толкование, присущее только соембо как государственному символу. В частности, два элемента, складывающиеся в круг в центре эмблемы, никогда не трактуются как инь и ян, несмотря на внешнее сходство. Верх соембо увенчан знаком огня, который для монголов традиционно означает рассвет и возрождение, а также продолжение и расширение рода. Три язычка пламени олицетворяют процветание народа в трех временах – прошлом, настоящем и будущем.

Несколько ниже знака огня расположены символы золотого солнца и серебряного месяца – древние символы монгольского народа,

означающие следующее: пусть живет и процветает во все времена монгольский народ. Старинное предание так говорит об этом: «Народ монгольский, чей отец – молодой месяц, а мать – золотое солнце».

В центре соембо изображен знак, похожий на инь и ян. Он трактуется как «рыбы, никогда не смыкающие глаз и служащие символами бдительности монгольского народа». Примыкающие к ним сверху и снизу прямоугольники, выражающие собой как бы ровную степь, означают прямоту, честность, открытость, благородство и справедливость. Эти прямоугольники равнозначны призыву: «Пусть все, что вверху и внизу, честно служит народу».

Вертикальные прямоугольники, расположенные по сторонам круга, означают четкость и неприступность, олицетворяя собой нерушимые стены, заслоняющие шар, являющийся символом мира, – две противоположности изменений и преобразований. Два треугольника – наконецники копья или стрелы, опущенные острием вниз, – означают готовность сражаться с врагом до самого конца и символизируют смерть врагов народа. Золотой цвет соембо – символ неизменности и постоянства, а вся в целом эмблема является национальным олицетворением свободы и независимости. В годы Монгольской Народной Республики (1922–1991) к описанному составу эмблемы добавлялась сверху пятиконечная «путеводная» звезда. После смены модели общественного развития в конце 90-х гг. XX в. пятиконечную звезду из государственного символа Монголии убрали [11].

Традиционный Великий белый штандарт единого монгольского государства является государственным церемониальным атрибутом (п. 4 ст. 12 Конституции Монголии).

Данный вид государственных символов Монголии известен еще со времен Чингисхана и отражает конкретные историко-политические принципы.

Значение данного символа в истории монгольской государственности хорошо описано Л. Н. Гумилевым: «В самом деле, победы первой половины XIII в. Монголия одерживала благодаря “людям длинной воли”, сумевшим привлечь под свое девятиножное белое знамя степных родичей, батуров и нухуров, каждый из коих был не менее храбр и вынослив, чем любой соратник Тэмуджина, но не обладал пассионарностью. Погибшие древние монголы были благожелательны к чужим религиям и философским концепциям, гостеприимны и верны дого-

ворам, а побежденных противников щадили за проявленную доблесть и верность, предлагая им вступить в свое войско» [1, с. 78].

Рис. 1. Государственный герб Монголии

Государственный флаг (рис. 2) имеет прямоугольную форму, состоит из трех равных по размеру вертикальных полос красного, синего и красного цвета.

Синий цвет в центре флага символизирует «вечное синее небо», а красный цвет по обеим сторонам – прогресс и процветание. Знак золотого соембо расположен на красной полосе на стороне древка. Отношение ширины флага к его длине – один к двум (п. 5 ст. 12 Конституции Монголии).

Рис. 2. Государственный флаг Монголии

Государственная печать (рис. 3) имеет квадратную форму с государственным гербом в центре, надписью Mongol Uls (Монголия), прописанной по обеим сторонам герба, и ручку с изображением льва.

Государственная печать берет свое начало от скотоводческих печатей, которые ставили как клеймо на скот. Скот нескольких аулов мог объединиться, и, чтобы разделить его, использовали подобную печать.

Во времена правления маньчжуров в Монголии государственной печати не было. Кроме того, сохранилась печать на бумаге (как оттиск), которая имеет почти восьмисотлетнюю историю. В мире очень мало стран, имеющих такую давнюю историю печати (имеется в виду история печатей вообще). Одним из наиболее старых артефактов является бумага с оттиском печати (письмо Гуюг хаана римскому папе), которая сейчас хранится во французском музее.

Рис. 3. Государственная печать Монголии

Государственной печатью владеет президент (п. 6 ст. 12 Конституции Монголии).

Таким образом, в современной государственной символике Монголии сохраняются черты исторического, этнорелигиозного и культурно-самобытного наследия.

Выводы

Симбиоз противоречий государственных символов и постулатов социальной правовой политики порождает парадоксы конституционной доктрины.

Для объективной оценки реальной социальной структуры монгольского общества, на которое универсально направлено воздействие конституционно-правовых норм, считаем целесообразным сослаться на фундаментальное социологическое исследование, проведенное сотрудником Института востоковедения РАН Саяной Намсараевой в рамках проекта «Религия в истории и культуре монгольязычных народов России: буряты и калмыки в сопоставительном аспекте» (программа «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»). «Население Монголии составляет 2,4 млн человек. Подавляющее большинство жителей страны – это этнические монголы. Религиозная идентичность населения сформировалась практически по признаку этнической принадлежности, поэтому обобщенно

можно сказать, что этнические монголы (халха-монголы, баяты, буряты, ойраты и др.) исповедуют буддизм, а казахи – ислам.

По данным социологических опросов, уровень религиозности среди казахов и бурят оказался выше, чем у представителей других этнических групп. Причем для бурят Монголии (около 50 тыс. человек) оказалось характерным сочетание в религиозной практике буддизма и шаманизма. Халха-монголы составляют 80 % населения Монголии. Среди назвавших себя верующими 80 % исповедуют буддизм, 10 % – ислам, 4,7 % – христианство, 5,3 % – последователи других религий [8].

Уровень религиозности по возрастным группам также представляет неоднородную картину. На вопрос «Считаете ли вы себя верующим?» 74,9 % молодежи в возрасте от 16 до 30 лет ответили утвердительно; среди представителей среднего поколения от 31 до 60 лет – 67,1 % и среди пожилых людей (от 61 и старше) 78,1 % считают себя верующими [8].

Прочитанный внушительный по объему материал необходим для констатации важнейшего, принципиального противоречия в тексте доктрины национальной конституционной политики. Закон Монголии 1993 г. «Об отношениях между государством и церковью» отмечает «господствующее положение буддийской религии» (ст. 4.2). В качестве «традиционных» закреплены также ислам и шаманизм. Запрещена деятельность, противоречащая «традициям монгольского народа»¹.

Целесообразно также отметить, что порядок церемониального использования государственных символов, слова и музыка Государственного гимна закрепляются законом (п. 7 ст. 12 Конституции Монголии).

В данном случае мы наблюдаем легитимацию этнокультурного и религиозного ритуала.

Ритуал – это композиционная динамика знаков, смыслообразующих медиативное значение как внешнего, так и внутреннего содержания, и состояния, выражающегося в таком понятии, как «кобениться», т. е. принимать неестественные, а точнее, сверхъестественные позы, ритмы, звуки, знаки. Таким способом человек одновременно ориентируется и создает в Космосе собственное пространство культуры [3].

Перечень причудливых сочетаний правового и социального регулирования в практике конституционного строительства можно продол-

жать. Поэтому предлагаемое исследование нельзя назвать исчерпывающим и законченным.

В обозначенном контексте полагаем необходимым сформулировать два основных вывода применительно к предмету исследования.

Первый – констатация светской природы монгольского государства является в значительной степени условной, фактически в конституционной идеологии отмечается приоритетная популяризация буддийской составляющей, которая наиболее ярко представлена в национальной государственной символической.

Второй – в Монголии установлен доминирующий приоритет отдельной религиозной и историко-политической ритуальной церемонии, приобретающей статус государственной атрибутики и нацеливающей на выполнение определенных предписаний, выходящих за рамки теологической толерантности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : АСТ: Астрель, 2010. 656 с.
2. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М. : Наука, 1977. 202 с.
3. Зинков Е. Г. Метафизическо-правовой аспект Государственного герба России // Административное право и процесс. 2012. № 10. С. 38–43.
4. Лошади, освященные полумесяцем // ЗМ. 2013. № 2 (126). URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/konevodstvo/888.html> (дата обращения: 12.01.23).
5. Лоцилин Б. С. На родных просторах: Записки краеведа. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1968. 166 с.
6. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 128 с.
7. Мордовцева Т. В. Культурологический смысл юридической категории «традиционная религия» и ее альтернативы в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 18–21.
8. Намсараева С. Кого не любят в толерантной Монголии. URL: http://www.ng.ru/people/2004-02-04/5_mongolia.html.
9. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. : Изд-во АН СССР. 1934. XII+224 с.
10. Ринчен В. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве // Сибирь Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 188–195.
11. Тресиддер Д. Словарь символов. М. Гранд : ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.
12. Юрковский А. В. Конституционно-правовая карта Северо-Восточной Азии: эстолого-аксиологический анализ : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. юрид. ин-та, 2018. 171 с.
13. Юрковский А. В. Конституционно-правовая эстология: исследование интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования методами конституционно-правовой аксиологии // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1 (80). С. 43–51.
14. Юрковский А. В. Конституционно-правовое измерение механизма государственной власти в научных доктринах России и стран Северо-Восточной Азии : монография. Иркутск. 2021. 367 с.
15. Юрковский А. В. Концепции конституционно-правового регулирования в странах Северо-Восточной Азии: эстологоаксиологический анализ : монография. Иркутск : Иркут-

¹ Об отношениях между государством и церковью : закон Монголии 1993 г. URL: <https://legalinfo.mn/mn>.

ский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. 199 с.

16. Togan Ahmed Zeki Velidi. *Bugünkü Türkili (Türkistan) ve yakın Tarihi*. İstanbul : Arkadaş/İbrahim Horoz ve Güven Basımevleri, 1942. 696 p.

REFERENCES

1. Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, AST: Astrel, 2010, 656 p. (in Russian)
2. Zhukovskaya N.L. *Lamaizm i ranniye formy religii* [Lamaism and early forms of religion]. Moscow, Nauka, 1977, 202 p. (in Russian)
3. Zinkov E.G. *Metafizicheski-pravovoy aspekt Gosudarstvennogo gerba Rossii* [Metaphysical and legal aspect of the State Emblem of Russia]. *Administrativnoye pravo i protsess* [Administrative law and process], 2012, no. 10, pp. 38-43. (in Russian)
4. Loshadi, osv'yashchennyye polumesyatsem [Horses consecrated by the crescent]. *ZM*, 2013, no. 2 (126). Available at: <http://www.goldmustang.ru/magazine/konevodstvo/888.html> (access date: 01/12/23). (in Russian)
5. Loschilin B.S. *Na rodnykh prostorakh: Zapiski krayevedy* [In the native spaces: Notes of a local historian]. Volgograd, Nizh-Volzh. book publishing house, 1968, 166 p. (in Russian)
6. Manzhigeev I.A. *Buryatskiye shamanisticheskiye i doshamanisticheskiye terminy* [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]. Moscow, Nauka, 1978, 128 p. (in Russian)
7. Mordovtseva T.V. *Kul'turologicheskiy smysl yuridicheskoy kategorii «traditsionnaya religiya» i yeye al'ternativy v rossiyskom zakonodatel'stve* [Culturological meaning of the legal category "traditional religion" and its alternatives in Russian legislation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2013, no. 12, pp. 18-21. (in Russian)
8. Namsaraeva S. *Kogo ne lyubyat v tolerantnoy Mongolii* [Who is not loved in tolerant Mongolia]. Available at: http://www.ng.ru/people/2004-02-04/5_mongolia.html. (in Russian)
9. *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [The social system of the Mongols. Mongol nomadic feudalism]. Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1934, XII+224 p. (in Russian)
10. Rinchen V. *Kul't istoricheskikh personazhey v mongol'skom shamanstve* [The cult of historical characters in Mongolian shamanism]. *Sibir' Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v sredniye veka* [Siberia Central and East Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk, 1975, pp. 188-195. (in Russian)
11. Tresidder D. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, FAIR-Press, 1999, 443 p. (in Russian)
12. Yurkovsky A.V. *Konstitutsionno-pravovaya karta Severo-Vostochnoy Azii: estologo-aksiologicheskii analiz* [Constitutional

and legal map of North-East Asia: estological and axiological analysis]. Monograph. Irkutsk, Irkut Publishing House. legal Institute, 2018, 171 p. (in Russian)

13. Yurkovsky A.V. *Konstitutsionno-pravovaya estologiya: issledovaniye interesov v konstitutsionnom prave i interesov konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya metodami konstitutsionno-pravovoy aksiologii* [Constitutional-legal estology: a study of interests in constitutional law and the interests of constitutional-legal regulation using the methods of constitutional-legal axiology]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2018, no. 1 (80), pp. 43-51. (in Russian)

14. Yurkovsky A.V. *Konstitutsionno-pravovoye izmereniye mekhanizma gosudarstvennoy vlasti v nauchnykh doktrinach Rossii i stran Severo-Vostochnoy Azii* [Constitutional and legal dimension of the mechanism of state power in the scientific doctrines of Russia and the countries of North-East Asia]. Monograph. Irkutsk, 2021, 367 p. (in Russian)

15. Yurkovsky A.V. *Kontseptsii konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya v stranakh Severo-Vostochnoy Azii: estologoaksiologicheskii analiz* [Concepts of constitutional and legal regulation in the countries of North-East Asia: estological and axiological analysis]. Monograph. Irkutsk, Irkutsk Law Institute (branch) Acad. Gene. Prosecutor's Office of Russia Federation, 2017, 199 p. (in Russian)

16. Togan Ahmed Zeki Velidi. *Bugünkü Türkili (Türkistan) ve yakın Tarihi*. İstanbul, Arkadaş/İbrahim Horoz ve Güven Basımevleri, 1942, 696 p.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 10.11.2023

Received on 01.10.2023; approved on 29.10.2023; accepted for publication on 10.11.2023

Юрковский Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Россия, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID: 0000-0002-0926-8965, ResearcherID: AAH-4911-2021, РИНЦ AuthorID: 499288, e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Yurkovskiy Alexey Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (1, Shevtsova st., Irkutsk, 664035, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-0926-8965, ResearcherID: AAH-4911-2021, RSCI AuthorID: 499288, e-mail: avyurkovsky@mail.ru